

Иерархически маркированные глаголы в русском языке: диахронический аспект

Л. В. Табаченко
(Россия)

Resumen

El artículo analiza los mecanismos de la formación del componente jerárquico de la semántica verbal en la historia del idioma ruso (a base de los ejemplos de los verbos *благоволить* [ser benevolente] y *даровать* [conceder]).

Estos verbos que habían significado antes las relaciones asimétricas según el eje vertical «Dios - ser humano», actualmente al emplearse en los contextos típicos incluyen en su significado un componente de la marcadez jerárquica como un resultado de un «contagio» semántico del contexto.

В современных исследованиях семантики, в частности глагольной, актуальными остаются вопросы, касающиеся основных принципов отражения внеязыковой реальности на собственно языковом уровне, определяющих структуру лексического значения и статус его различных компонентов. Предлагаемая статья посвящена механизмам формирования иерархического семантического компонента в истории русского языка (на примере глаголов *благоволить* и *даровать*).

Ряд глаголов в русском языке описывают ситуацию, в которой ее участники находятся на разных иерархических ступенках (по социальному, возрастному, ситуативному и др. признакам). На такие глаголы впервые обратил внимание Л.П. Крысин (Крысин, 1989; 2000). Компоненты значения, указывающие на статус участника обозначаемой ситуации, исследователь называет социальными, так как к разряду социальных относит все «отношения между людьми – межличностные и институциональные (то есть реализующиеся в некоей иерархической социальной структуре – семье, производственной группе...), а также отношения между личностью и обществом» (Крысин, 2000, с. 38). На наш взгляд, более приемлемыми являются термины *иерархический компонент* и, соответственно, *иерархически маркированные лексемы*. Л.П. Крысин выделил корпус предикатов, которые в своем значении отражают асимметричные отношения, или отношения подчинения (зависимости):

1) обозначающие ситуации, в которых роль семантического субъекта (агенса) «выше» роли второго участника (адресата или контрагента): *благоволить, вменить, воспретить, выселить, гневаться, даровать, изгнать, карать, командировать, консультировать, конфисковать, назначить, отстранить, отозвать, обязать, опекать, позволить, покровительствовать, сместить, сослать, экзаменовать* и др.;

2) роль первого участника ситуации, семантического субъекта, «ниже» роли второго участника: *апеллировать, вымолить, выхлопотать, гневить, грубить, дерзить, испросить, консультироваться, послушаться, отпроситься, прекословить, пререкаться, рапортовать* и др. Более полные списки см. (Крысин, 2000, с. 38).

Часть этих глаголов указывает на определенные социальные функции, и иерархия участников глагольной ситуации очевидна. Однако в ряде глаголов такая иерархическая маркированность может быть выявлена только путем анализа результатов языкового эксперимента. «Невозможно употребление глагола *зневаться*, – пишет Л.П. Крысин, – в ситуациях с равным и в особенности с “обратным” статусом субъекта и адресата: **Товарищи на меня зневаются*; **Лакей разгневался на барина за выговор, который тот ему устроил*» (Крысин, 2000, с. 39). Так же невозможно употребление и глаголов другой подгруппы в ситуации, где статус субъекта выше статуса адресата: **Отец грубит (дерзит) сыну*; **Учитель грубит (дерзит) ученикам* (Там же, с. 40). Л.П. Крысин не ставит вопрос о семантико-прагматическом статусе такого компонента, указывая только, что он входит в пресуппозицию лексического значения.

Ю.Д. Апресян, анализируя семантику глаголов *дерзить*, *грубить*, *хамить*, настаивает, что иерархическая маркированность этих глаголов не относится к области прагматики, поскольку «говорящий не оценивает статус своего адресата сравнительно со своим собственным статусом. Речь идет о статусах третьих лиц; информация о них носит объективный, а не оценочный характер. Она входит в семантику соответствующих глаголов, поскольку характеризует объективные свойства их актантов» (Апресян, 1995, с. 144).

В последнее время исследователи все больше сближают коннотативные (в широком смысле) и коммуникативно-прагматические компоненты, относя к последним все те, которые «отражают так называемую коммуникативно-когнитивную зону говорящего социума» включая и информацию о социальном статусе участников коммуникации (Булыгина, Трипольская, 2015, с. 10). Таким образом, вопрос о статусе иерархических семантических компонентов и о их месте в структуре значения хотя и обсуждается лингвистами, но до сих пор остается открытым.

Актуальной остается проблема формирования таких компонентов лексического значения, определения механизмов, приведших к их вхождению в семантическую структуру слова, что еще не становилось предметом научного изучения. Исследование процесса приобретения словами конвенциональных значений и смыслов не только поможет определить основные тенденции формирования русской лексики и ее дифференциации на основе имплицитных категорий, но и внесет определенный вклад в установление статуса иерархических семантических компонентов.

Рассмотрим механизм формирования иерархического компонента в истории русского языка на примере глаголов *благоволить* и *даровать*.

В современном русском языке глагол *благоволить* имеет значения: «1. к кому. Проявлять доброжелательство, расположение по отношению к кому-л.». 2. с неопр. Устар. Соизволять, удаивать» (СРЯ, 1981, т. 1, с. 92). Л.П. Крысин, однако, замечает:

*В этих толкованиях упущено существенное условие: статус того, кто выказывает благоволение, выше статуса того, кому благоволение адресовано. Если этим условием пренебречь, то, следуя приведенным толкованиям, мы должны допустить к употреблению, в частности, фразы типа: *Учитель математики благоволит к своим коллегам (ситуация равных статусов субъекта и адресата) или *Ученик благоволит к директору*

школы (ситуация, «обратная» нормальной: статус объекта благоволения ниже статуса адресата).

(Крысин, 2000, с. 38).

Обратимся к истории этого глагола. Он заимствован из старославянского языка, это калька греческого глагола εὐδοκεῖν (буквально «думать хорошо»). В старославянском языке *благоволити* имел значение «любить / возлюбить *кого-л.*» (СС, 1999, с. 85) и, как правило, указывал на асимметричные в иерархическом плане отношения Бога и человека, так же как и в памятниках древнерусского языка XI–XIV вв.:

бл̑говолить г(с)ь на боящаяся юго. и на уповающая на мл(с)ть юго. Пр 1383, 133а. (СлДРЯ XI–XIV, 1988, т. 1, с. 170).

Значение глагола *благоволить* изначально не содержало в себе компонент иерархической маркированности, так как помимо ситуаций с неравными статусами участников он мог употребляться и тогда, когда участники занимают одинаковое положение в обществе. В этом случае он реализовывал значение «быть расположенным, проявлять расположение, хотеть»:

бл̑говолить же съ вѣрными невѣрная жити. или пакы невѣрными съ вѣрною. да не разлучаетася. по божьствьноуоумоу аплу. КЕ XII, 63а. (СлДРЯ XI–XIV, 1988, т. 1, с. 170).

С конца XVII в. глагол *благоволить* стал обозначать асимметричные отношения и в светских контекстах, маркируя неравенство социальных статусов участников (тогда как в отношениях «Бог – человек» глагол отражает их онтологический и нравственно-этический аспект):

Августа въ к̑ днь великий гд̑рь цр̑ь... бл̑говолить у преос̑щеннаго архиеп̑скопа хл̑ба кушать. Кн. расх. Холмог. арх. д. № 107, 8. 1695 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 1975, вып. 1, с. 195).

Иерархический компонент, выделившийся из типичных случаев употребления глагола и включившийся в его семантику, меняет и само его значение: первоначальная семантика «любить / возлюбить *кого-л.*» в результате семантического «заражения» от контекста позднее трансформируется в значение некоего избирательного положительного отношения с высоты иерархической лестницы (от высшего к низшему). Возможно, произошло переосмысление отношения безусловной, неизменной любви Творца к человеку в отношении монарха и подданного, начальника и подчиненного. В XVIII в. глагол *благоволить* начинает употребляться и для маркирования иерархии семейных отношений:

Сие свое нам̑рение открыла уже она отцу своему, который и благоволил на то. Маркиз III 113. (СлРЯ XVIII в., 1985, вып. 2, с. 33).

При частом употреблении в повторяющихся контекстах асимметричных отношений к концу XVIII в. маркер закрепляется в структуре значения, что зафиксировано в словаре Академии Российской 1789-1794 гг.: глагол *благоволити* толкуется как «учтливое изображение воли вышнихъ насъ»: *Государыня всемилостивѣйше повелеть благоволила.* (САР, 1789, т. 1, с. 213).

Как видно из примера, появился новый тип синтаксической конструкции – сочетания с инфинитивом, в которых *благоволити* имел значение «милостиво согласиться на что-либо, снизить». Они употреблялись в форме вежливой просьбы, особенно высокую частотность употребления приобрели в XIX в., сейчас это значение глагола *благоволити* отмечается как устаревшее.

В наши дни он остается иерархически маркированным глаголом, часто передавая довольно тонкие нюансы иерархии. Нередко он используется и как средство иронии, часто употребляется в конструкциях типа *судьба благоволит, звезды благоволят*, обозначающих высокую степень везения.

Глагол *даровати* в старославянском языке имел значение «дарить / подарить» и употреблялся параллельно с глаголами *дарити* и *даяти* «давать, раздавать, предоставлять». Наблюдается существенная разница в частотности употребления этих глаголов. Старославянский словарь дает следующие числа: *даровати* (14), *дарити* (1), *даяти* (>100) (СС, 1999, сс. 183–185). Примерно такое же соотношение наблюдается и в древнерусском языке: *даровати* (253), *дарити* (14), *даяти* (1416) (СлДРЯ XI–XIV, 1989, т. 2). Последний глагол позже вышел из употребления, поэтому продолжим диахронический анализ первых двух глаголов, чтобы определить причины и механизмы появления иерархической маркированности глагола *даровати* на фоне ее отсутствия у *дарити*.

Наша версия следующая: из двух этих достаточно древних глаголов (см. их этимологию в (ЭССЯ, 1977, вып. 4, сс. 190–191)) именно глагол *даровати* чаще употреблялся в старославянских и древнерусских памятниках письменности. А поскольку это были в основном церковно-религиозные тексты, в которых субъектом «дарения» выступал, как правило, Бог, а адресатом – человек, эта иерархия (сначала онтологическая, затем – всякая) вошла в значение глагола как его компонент:

а. *Анѣль бо гнѣ съниде съ стѣю дѣю. Она же нача молити ся глѣюще: бѣ сѣи въсьде и бытие члѣкомъ даровавъ.* (Муч. Ирины) Усп. сб., 148. XII – XIII вв.

б. *Аще даруетъ бѣгъ кому жену добру, дражаиши ес<ть> камени мног<о>цѣннаго.* Дм., 65. XVI в. (СлРЯ XI–XVII вв., 1977, вып. 4, с. 173).

В соответствующей словарной статье Словаря русского языка XI–XVII вв. это отмечено особо: «дать-давать» (о деяниях Бога, а также высокопоставленных духовных лиц) (Там же). В нерелигиозных контекстах *даровати* имел значение «одарить (одаривать), наделить (наделять)» при статусе дарителя выше статуса одариваемого: *Даруемъ тебя сѣмъ золоченымъ кубком.* Ст. сп. Флетчера, 84. 1589 г. (Там же).

В то же время глагол *дарити*, все чаще появляющийся в памятниках письменности, такой маркированности не имел, обозначая ситуацию дарения разных векторов: и сверху вниз, и снизу вверх, например, о подарках посадников князю:

А былъ князь велики Юрии Василевичъ во Псковѣ три недѣли и два дни, а посадники псковѣския... чтиша его и дариша, и даша ему... 100 рублевъ. Псков. лет. I, 60. (СлРЯ XI-XVII вв., 1977, вып. 4, с. 172).

В XVIII в. за глаголом *даровать* окончательно закрепилась иерархическая маркированность разного типа (семейная, социальная и проч.):

а. *Я вашъ сынъ, вы мнѣ даровали жизнь.*

б. *За преступленіе свое заслуживаль смерть; но милосердіе Государя животъ ему даровало.* (САР, 1790, т. 2, с. 466).

В словарях современного русского языка *даровать* дается как устаревший, с возвышенной окраской значения, чаще всего употребляется в конструкциях типа *даровать жизнь* («помиловать осужденного на казнь»), *даровать свободу* («освободить»). (СРЯ, 1981, т. 1, с. 365)

Таким образом, *даровать* сохраняет иерархическую маркированность, хотя сам и уходит из употребления, в то время как *дарить*, не маркированный этим семантическим компонентом, употребляется во всех ситуациях дарения с разными направлениями векторов (и снизу вверх, и сверху вниз, и в равных отношениях).

Можно отметить, что у этих двух глаголов иерархический семантический компонент появился в результате влияния типичных контекстов, в которых они употреблялись. Остановимся подробнее на этих семантических механизмах. Согласно одному из требований литературного этикета, которого придерживались авторы древнерусских церковно-книжных произведений, к определенным ситуациям подбирались соответствующие выражения и стиль изложения («трафарет ситуации» (Лихачев, 1979, с. 87)). Как следствие у каждого слова сформировались определенные контексты и синтагматические связи. Сначала происходят изменения в сочетаемости лексемы: она начинает чаще всего сочетаться с ограниченной группой слов, после этого синтагматические связи сужаются до этого строго ограниченного круга:

«постоянное, типизированное употребление слова для изображения одной и той же ситуации, в одном и том же словесном окружении (контексте) приводит к тому, что другие, более редкие употребления становятся невозможными. Слово получает в языке то значение, которое оно ранее выражало совместно с другими словами контекста»

(Улуханов, 1972, с. 119).

Такое явление И.С. Улуханов, используя термин М. Бреала, назвал семантическим «заражением» от контекста (Там же).

Глагол, отражающий какие-либо отношения субъекта и объекта, при употреблении в типичных контекстах включает в свое значение признаки участников ситуации по модели семантического «заражения» от контекста и, как правило, этот процесс сопровождается сужением лексической и синтаксической сочетаемости. Постоянно используемый для изображения ситуации с неравными статусами участников глагол приобретает в своем значении компонент иерархической маркированности, который, вслед за Ю.Д. Апресяном, мы предлагаем рассматривать в зоне семантики, а не прагматики.

Для уточнения выводов о семантических механизмах формирования иерархического компонента значения следует продолжить диахронический анализ иерархически маркированной лексики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. САР, 1789: «Словарь Академии Российской». СПб., ч. 1.
2. САР, 1790: «Словарь Академии Российской». СПб., ч. 2.
3. СлДРЯ XI–XIV вв., 1988: «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», т. 1. М., Наука.
4. СлДРЯ XI–XIV вв., 1989: «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», т. 2. М., Наука.
5. СлРЯ XI–XVII вв., 1975: «Словарь русского языка XI–XVII вв.», вып. 1. М., Наука.
6. СлРЯ XI–XVII вв., 1977: «Словарь русского языка XI–XVII вв.», вып. 4. М., Наука.
7. СлРЯ XVIII в., 1985: «Словарь русского языка XVIII вв.», вып. 2. Л., Наука.
8. СРЯ, 1981: Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой, т. 1. М., Русский язык.
9. СС, 1999: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М., Русский язык.
10. ЭССЯ, 1977: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева, вып. 4. М., Наука.
11. АПРЕСЯН, Ю.Д., 1995: «Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография». М., Школа «Языки русской культуры».
12. БУЛЫГИНА, Е.Ю., ТРИПОЛЬСКАЯ, Т.А., 2015: «Интерпретационный потенциал прагматически маркированного слова: взаимодействие идеологического и оценочного компонентов». *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, № 5 (27), сс. 8–22.
13. КРЫСИН, Л.П., 1989: «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка». М., Наука.
14. КРЫСИН, Л.П., 2000: Социальная маркированность языковых единиц. *Вопросы языкознания*, № 4, сс. 26–41.
15. ЛИХАЧЕВ, Д.С., 1979: «Поэтика древнерусской литературы». М., Наука.
16. УЛУХАНОВ, И.С., 1975: «О языке Древней Руси». М., Наука.